

Кобб Р., Элдер Ч.
Провиденс, Филадельфия, США
Перевод И.С. Поляковой

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ В ПОЛИТИКЕ
УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Р. Кобба и Ч. Элдера «The Political Uses of Symbolism», опубликованной в США в 1973 г. Авторы показывают, что для оценки потенциала политических символов, необходимо учитывать три составляющих символов: когнитивное содержание, валентность и системную значимость.

Ключевые слова: символ, политический символизм, когнитивное содержание, валентность, систематическая значимость.

Сведения об авторе: Кобб Роджер У., доктор философии, профессор.

Место работы: Университет Брауна (США).

Сведения об авторе: Элдер Чарльз, доктор философии, профессор.

Место работы: Пенсильванский Университет.

Сведения о переводчике: Полякова Ирина Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 285.

E-mail: irene22@live.ru.

Cobb R., Elder Ch.
Providence, Philadelphia, USA
Translated by I.S. Polyakova

THE POLITICAL USES OF SYMBOLISM
ГЧТИ 16.21.27
Код БАН 10.02.19

Abstract. This is the first Russian translation of R. Cobb and Ch. Elder's article «The Political Uses of Symbolism» published in the USA in 1973. The authors show that in order to understand the potency of political symbols, it is necessary to consider three dimensions of symbols: cognitive content, valence, and systemic importance.

Key words: symbol, political symbolism, cognitive content, valence, systemic importance.

About the author: Cobb Roger W., PhD, professor.
Place of employment: Brown University (USA).

About the author: Elder Charles, PhD, professor.
Place of employment: University of Pennsylvania.

About the translator: Polyakova Irina Sergeevna, post-graduate student, assistant of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

То, что символы играют важную роль в политической жизни, отмечали еще Лассвел [Lasswell 1965], Арнольд [Arnold 1962] и др. [Sapir 1934; Merriam 1964; Boulding 1961; Lasswell, Kaplan 1950]. Однако лишь недавно ученые оценили важность разработок исследователей прошлых лет и попытались их развить и систематизировать. Возрождение интереса было спровоцировано работами Мерри Эдельмана [Edelman 1964, 1971]. Эдельману лучше, чем другим теоретикам удалось описать ту важную роль, которую символы играют в политике. Его труды не только послужили стимулом к дальнейшему изучению проблемы использования символов в политике [см., напр.: Kautsky 1965; Anton 1967], ему удалось сформулировать теоретические положения, согласно которым, исследуемый феномен может быть отнесен к основным вопросам современной политической науки. Согласно этой точки зрения, символические аспекты политики нельзя считать эпифеноменальными и периферийными. Символизм лежит в основе политического процесса и поэтому является чрезвычайно важным.

Изучение политического символизма имеет большой потенциал. На систематическом уровне оно обещает помочь в понимании процессов политической мобилизации, дифференцированного распределения политического влияния и основ политической легитимности [Merelman 1966]. На уровне подсистемы изучение политических символов помогает пролить свет на динамику групповых конфликтов и способствует

пониманию процесса объединения групп [Brown, Ellithorp 1970]. На индивидуальном уровне изучение символизма позволяет выделить разные стили и модели политического поведения [DeLamater et al. 1969]. Символы дают стимулы для определенного поведения, и сами являются шаблонами, которые избавляют человека от необходимости поиска информации и принятия самостоятельного решения.

Более того, изучение политического символизма помогает найти взаимосвязи между разными уровнями анализа, то есть, выявляет теоретические связи между макро- и микро-уровнями поведения. Политические символы регулируют отношения индивида и политической системы, закладывают основу для дифференциации, кооперации и, наконец, для политического сообщества.

Несмотря на большой объяснительный потенциал, содержащийся в исследованиях политического символизма, эта проблема является недостаточно изученной. Основные концепты сформулированы неточно, специфическим переменным не хватает дифференцированного описания, а выдвигаемые гипотезы нуждаются в дальнейшей разработке и экспериментальном подтверждении. Мы попытаемся разобраться в некоторых из перечисленных проблем.

Разработанный подход рассматривает политические символы как социально значимые объекты индивидуального восприятия. Сходства и различия между индивидами и группами в рамках этого восприятия рассматриваются как

источник потенциала символа в убеждении и пробуждении интереса. Выделяются следующие компоненты восприятия символов: когнитивное содержание, валентность и систематическая значимость. Они связаны с иерархической структурой типологии политических символов посредством ряда гипотез, выявляющих закономерности символической идентификации различных слоев населения в зависимости от его типа. Критерии оценки соответствия символа определенной ситуации нами также изучаются, и мы рассматриваем некоторые системные имплицатуры, выявленные в результате анализа.

Символическая и реальная выгода. Символы появляются благодаря простому соотношению значения или оценки с объектами, человеком, жестами или предметами. Как пишет Уайт [White 1949: 25]: «Символ можно определить как предмет, значимость или значение которого определяется тем, кто его употребляет... Значение или значимость символа ни в коем случае не производится и не определяется характеристиками, присущими его физической форме... Символы, по словам Джона Локка, 'обладают условными значениями, приписываемыми человеком'».

Символом может стать любой объект, значение которого порождено социумом и не содержится непосредственно в самом объекте. Нас интересуют те символы, которые могут быть отнесены к политическим. Каждая политическая система в определенный момент обладает конечным числом объектов-символов. По сути, этот набор объектов-символов и представляет собой основные элементы политической культуры. Хотя символы и подвержены изменениям, центральные элементы остаются относительно стабильными и меняются медленно. Набор символов порождает объекты, которые служат основой для общих взглядов и взаимной идентификации с той или иной политической точкой зрения. Эта символическая основа для общности обусловлена опытом и зависит от пользы или удовлетворения, получаемых от них.

Мерельман [Merelman 1966: 551-552] предлагает рассматривать динамику легитимности в таком контексте. Он отстаивает такую точку зрения, что т.к. основой легитимности является эффективность выделения материальных ресурсов, возрастание удовлетворенности усиливается символами, которые сами становятся основой легитимности и собой заменяют источники удовлетворения. Таким образом, существует как минимум две основы легитимности. Первая — преимущественно символическая, то есть, верность основана преимущественно на чувствах и эмоциях по отношению к ярким политическим символам. Другой источник легитимности основан на функциональном или утилитарном критерии материальной оценки и вы-

годы (для эмпирического использования этих отличительных особенностей см.: Katz 1969).

Различия между символической и реальной выгодой занимают важное место в работе Эдельмана [Edelman 1964: 22-43] по анализу политического процесса. Эдельман утверждает, что политический процесс направлен на передачу реальной пользы заинтересованному кругу лиц, предоставляя в то же время массовой публике символическую уверенность. Он так же отмечает, что политические акты, имеющие важное символическое значение, могут производить малый эффект, или не оказывать его совсем на распределение материальных ресурсов. Однако подобные символически нагруженные акты поддерживают уверенность в обществе и согласие с условиями, которые позволяют поддерживать политический порядок. Эти условия помогают элите добиваться осуществления своих материальных интересов и влиять на распределение той реальной выгоды, которую предоставляет политическая система.

В литературе, посвященной вопросам престижной политики [см. Hofstadter 1967; Lipset 1955; Lipset, Raab 1970], а также в труде Гусфилда [Gusfield 1963] по анализу Движения за трезвость, отмечается, что основной целью политически организованных групп является все-таки не получение материальной выгоды от политики. Гусфилд утверждает, что наряду с материальными интересами в политике существуют не менее важные символические интересы: «Мы живем в человеческом обществе, где символические жесты играют важную роль в формировании чувства гордости, обиды и чести. Социальные конфликты и напряжение приводят к нарушению символического порядка, и разрушению других областей жизни. Если подобные реакции не относить к «иррациональным», это затруднит проведение анализа и приведет к игнорированию событий, имеющих большое значение для людей» [Gusfield 1963: 183].

Символы важны не только сами по себе, они могут быть важным стимулом к приобретению материальной выгоды. Статус группы и интерес, который она выражает иногда необходимо легитимировать посредством символических действий до того, как группа может претендовать на свою долю материальной выгоды, предоставляемой политикой.

Правительство неизбежно вовлекается в социальное распределение престижа, утверждение важности, ценности чего-либо, легитимацию стилей жизни и стандартов нравственности. Игнорирование конфликтов подобного содержания, даже если они не влияют непосредственно на распределение материальных ресурсов, означает игнорирование значительной части политической жизни [1].

Методы идентификации символов. Для того, чтобы понять роль символов и важность символической выгоды, необходимо рассмот-

реть подробно то, что люди идентифицируют при помощи специальных политических символов и способ, при помощи которого происходит идентификация. Это исследование поможет понять реакции, вызываемые политическими символами.

Объясняя разницу между конденсационными и референциальными символами, Эдельман [Edelman 1964: 6-9] отмечает, что некоторые символы эмоционально окрашены, в то время как другие эмоционально нейтральны и являются чисто денотативными (данное различие было сформулировано ранее Сэпиром [Sapir 1934: 492-495]). Однако важно понимать, что эта разница не основывается на качественных характеристиках самих символов.

Символы сами по себе не содержат какого-либо внутреннего значения, определенного его формой. Некоторые из них менее ясные и вызывают более сильные эмоциональные реакции, чем другие. Но это происходит благодаря тому значению или сигнификации, которые они имеют, а не из-за каких-либо качественных характеристик самого символа. Как отмечает Эдельман [1964, 6] принадлежность символа к конденсационным или референциальным зависит от ситуации и человека, его употребляющего.

Браун и Эллиторп [Brown, Ellithorp 1970: 363] эмпирическим путем нашли подтверждение данной точки зрения, рассматривая в качестве политического символа фигуру известного американского политика Юджина Маккарти. Они пришли к выводу, что «люди с разными взглядами прибегают к одним и тем же побуждающим объектам (символам)... но для достижения разных целей, которые были сформированы в результате разного жизненного опыта». Они соотносят этот феномен с тем, что Блумер [Blumer 1954] называл «конвергентной избирательностью». Этот процесс можно охарактеризовать следующим образом: «члены общества выбирают какой-то один объект, но при этом каждый человек рассматривает те его характеристики, которые являются наиболее интересными, привлекательными для него. Возникающие черты сходства создают впечатление одинакового поведения публики... (и приводят) к ошибочным выводам об одинаковой мотивации [Brown, Ellithorp 1970: 363]».

Абербах и Уолкер придерживались подобной точки зрения, отмечая, что такое выражение как «black power», по их мнению, не имеет конкретного значения, «оно может вызывать разные эмоции и мотивировать индивида на проявление лояльности или призывать к принятию активных действий» [Aberbach, Walker 1970: 367].

Индивидуальные символные предпочтения. Все вышеизложенное указывает на то, что ключом к пониманию той роли, которую символы играют в политике, являются способы индивидуальной идентификации при помощи

символов. Однако Гирц пишет, что «существует много рассуждений об эмоциях, “находящих свое выражение в символе” или “прикрепляющихся к символу” — но очень мало говорится о том, как это происходит» [Geertz 1964: 56].

В одной из своих ранних работ Лассвел дает некоторые ответы на этот вопрос: «В окружении ребенка существует большое количество слов с неясным референтом, которые приобретают положительное или отрицательное значение задолго до того, как у ребенка появляются достаточное количество контактов с реальностью для того, чтобы самостоятельно определить значение слов, смысл которых является неопределенным. Повзрослев, человек продолжает воспринимать эти феномены, основываясь на своем детском представлении, иногда добавляя какое-то дополнительное значение к ним. К таким словам и выражениям можно отнести следующие: «закон и порядок», «патриотизм» [Lasswell 1965: 30].

В работах Гринштейна [Greenstein 1965], Истона и Хесса [Easton, Hess 1962], Джароса (1968) и других исследователей, занимающихся проблемой детской социализации [см. также Hess, Torney 1967; Easton, Dennis 1969], последовательно доказывается верность приведенных выше утверждений Лассвела. У детей формируется положительное или отрицательное восприятие того или иного политического объекта (символа) задолго до того, как этот символ начинает иметь какое-либо определенное значение или передавать когнитивную информацию. Эти символы или объекты становятся центральным элементом того, что Истон [Easton 1965: 272] называет «расплывчатой поддержкой», под которой подразумевается «положительное восприятие символа, которое не зависит от какой-либо выгоды, извлекаемой из объекта» [см. также Dennis 1970: 823].

Считается, что когда человек взрослеет, образы, ассоциирующиеся с этими символами, наполняются существенной информацией и знаниями. Несомненно, существуют факты, доказывающие верность данного утверждения [Hess, Torney 1967: 23-59]. Может возникнуть мнение, что эти символы превращаются в обычные денотативные феномены. Однако такое предположение является необоснованным в свете того, что известно о политике и политических институтах [Sears 1969]. Для многих, образы и представления, сформированные в детстве, никогда полностью не исчезают. Они остаются, по мнению Лассвела, эмоционально значимыми символами с размытым референтом.

Выводы, к которым приходит Деннис [Dennis 1966] подтверждают тот факт, что политические символы для большинства взрослых людей обладают преимущественно эмотивной смысловой нагрузкой, в то время как объективная информация является недостаточной. Он утверждает, что несмотря на то, что многие люди

находят, что «соперничество между политическими партиями» — это норма для существующего политического режима, другие придерживаются той точки зрения, что существует слишком большое количество разногласий между партиями «противоречия и конфликты чересчур остры и приносят государству больше вреда чем пользы» [2]. То, что в символах эмоциональный компонент преобладает над информативным, подтверждает тот факт, что, несмотря на отсутствие каких-либо знаний о программе партии ей приписываются яркие характеристики и «приклеиваются» ярлыки.

Часто бывает так, что субстантивное (самостоятельное) информационное содержание, ассоциируемое с той или иной партией, является размытым, неопределенным, и хотя это содержание и присутствует, оно неоднородно среди разных групп людей. Значение символа для каждого конкретного индивида зависит от его жизненного опыта и тем самым формируется скорее благодаря той окружающей обстановке, в которой находится человек; значение символа не является унифицированной оболочкой или фиксированным набором характеристик. Таким образом, можно полагать, что восприятие политических символов, их спецификация разными этническим, расовыми, религиозными и социально-экономическими группами будет различной. Одна из таких групп будет давать основу для понимания политических символов [см., например, Tallman, Morgner 1970].

Рассматривая политические символы как объекты индивидуальных восприятий, мы можем лучше разобраться в их побуждающем и стимулирующем потенциале. Лейн пишет: «Один из источников их (символов) силы заключается в эмоциональной нагрузке или валентности, которой они обладают, в самих элементах, нарушающих или наоборот структурирующих систему знаний; другим источником силы является ассоциативный компонент значения, содержащийся в них, благодаря которому каждый человек может воспринимать то значение символа, которое ему наиболее близко и интересно» [Lane 1969: 316].

Благодаря тому, что человек может приписывать политическим символам то значение, которое кажется ему наиболее близким, значение этих символов производится не от тех общих значений, которые этот символ имеет, а от представлений общества по отношению к этим символам. Таким образом, негативный контекст, приписанный обществом слову «коммунизм», а не какая-либо его смысловая интерпретация, позволяет ему превратиться в политический символ.

Аффективные и когнитивные компоненты. Можно выделить два компонента, влияющие на интерпретацию символа индивидом: (1) когнитивный — при котором указывается объем объективной информации или субстан-

тивного содержания символа, и (2) аффективный, где рассматриваются характеристики (положительная или отрицательная), валентность символа. Оба компонента направлены на пробуждение необходимой поведенческой реакции, которая должна последовать за употреблением символа.

Когнитивный компонент представляет собой континуум информационного содержания, стоящего за символом. Для удобства мы будем проводить различия только между теми единицами, которые хорошо или плохо развиты с точки зрения когнитивного содержания. Аффективный компонент характеризуется интенсивностью от крайне позитивного до крайне негативного восприятия объекта. Здесь нас интересует валентность символа, будь она более интенсивна или менее интенсивна. Химмельштрэнд ссылается на этот компонент, когда он описывает «независимость аффективной нагрузки». По его мнению, большая или меньшая аффективная (эмоциональная) нагрузка символа ассоциируется обычно с разными типами поведения. Большая эмоциональная нагрузка связана с экспрессивными действиями, меньшая — с созидательными. Далее он отмечает, что магнитуда аффекта (действия), вызванного объектом, важна для определения возможности предсказания реакции, которая последует после употребления объекта в статусе символа [Himmelstrand 1960: 47-54]. Таким образом, аффективный компонент символических ориентаций играет не меньшую, если даже не большую роль, чем когнитивный компонент в понимании и прогнозировании той реакции, которую вызывает символ. Данный факт имеет большую важность, так как когнитивный и аффективный компоненты невзаимосвязаны [3].

Взаимодействие этих компонентов, в той же мере, что и их независимость друг от друга, играет важную роль для понимания процесса формирования политических предрасположенностей, формируемых политическими символами. Принимая во внимание независимый характер аффективного и когнитивного континуума символа, в Таблице 1 показаны четыре типа восприятия символов.

Восприятие, отличающееся наибольшей эмоциональностью и в то же время обладающее значительной субстантивной информацией называется идеологической ориентацией. Люди, у которых идеологическая ориентация является доминирующей при восприятии политического символа, действие, вызываемое этим символом, будет в равной степени созидательным и экспрессивным. Связанные с символами предрасположения очень устойчивы к смене ситуаций. Поэтому, реакция, вызванная символом легко предсказуема. Люди с таким типом ориентации являются хранителями символов, они готовы на решительные действия во имя символа.

Таблица 1. Типология символических Ориентаций

Когнитивный компонент, ассоциируемый с политическим символом	Аффект или валентность политического символа		
		высокая	низкая
	заметно выра- жен	I Идеологическ ий	II Прагмати- ческий
	слабо выражен	III Реактивный или манипу- лятивный	IV Апатети- ческий

Восприятие символов второго типа носит относительный характер и содержит черты прагматизма [4]. Для людей с таким типом ориентации политические символы выполняют прежде всего созидательную (инструментальную) функцию, обозначая определенные факты и процессы, они не содержат эмотивного элемента. Поведенческие предпочтения у людей, для которых символ имеет богатое информационное содержание, но низкую валентность, являются непредсказуемыми и неустойчивыми. Непонимание смысла символа заставляет человека отказаться от его употребления. Как следствие, поведение человека невозможно предсказать исходя только из его знаний о символе и ориентаций по отношению к нему. Люди с таким типом восприятия являются «рациональными активистами» (манипуляторами) в политической системе.

Символы, которым недостает субстантивной спецификации, но которые несут на себе большую аффективную нагрузку, являются экспрессивными по природе. Несмотря на недостаток субстантивного содержания у символа, действия человека с таким типом восприятия являются темпорально и ситуативно полными и последовательными. Поведение, проявляющееся после употребления символа, носит чаще всего реактивный характер. Люди с таким типом ориентации – это последователи, они подвержены манипуляции и готовы следовать за политической элитой, которая с помощью символа провоцирует их на определенные действия.

Люди, чье восприятие политических символов слабо с точки зрения содержания и аффективного (эмоционального) компонента чаще всего характеризуются нестабильными во времени и пространстве поведенческими предрасположенностями. Такие люди чаще всего ин-

дифферентны, и их поведение может колебаться от простого приспособления к ситуации до полного отстранения от нее. Такое поведение будет зависеть от внутренних факторов, таких как групповой нажим и принуждение. Хотя их поведение и является важным для управления демократическим строем, люди с таким типом ориентации чаще всего представляют собой наименее вовлеченных и наименее информированных членов политического сообщества.

Генерализация через символы. В предыдущих параграфах мы описывали индивидуальное восприятие отдельно взятых политических символов. Можно предположить, что человек может иметь различное восприятие разных символов. Например, одни символы он может относить к символам с большой смысловой нагрузкой и высокой валентностью (сочетаемостью), другие к символам с малой смысловой нагрузкой и высокой сочетаемостью, и, наконец, третьи – к символам с малой смысловой нагрузкой и высокой сочетаемостью. Можно предположить, что человек чаще всего имеет довольно последовательное восприятие всех политических символов, принадлежащих к одной политической сфере. Иными словами, модель соотношения аффективных и когнитивных компонентов политических символов остается в восприятии конкретного человека неизменной по отношению ко всем политическим символам, принадлежащим к определенному политическому сектору.

В зависимости от своих политических убеждений и степени вовлеченности в политику человек может выделять разные сферы (группы) символов. Это не подразумевает какой-то конкретный заданный уровень вовлеченности или интереса к политике, а просто показывает, какие интересы он имеет по отношению к политике и каким образом он их группирует. Можно выделить два основных домена (группы): (1) домен, ассоциируемый с разными уровнями правительства или политической структуры (например, местный, региональный, национальный); и (2) домен, состоящий из областей политики (например, внешняя политика, образование, экономика-финансовая политика). Для некоторых людей, сфера политического интереса ограничивается как уровнем, так и областью; для других она может быть шире, включая более одного уровня и несколько областей. Принимая во внимание, что символическое восприятие человека варьируется в зависимости от группы символов, можно утверждать, что человек проявляет определенный уровень восприятия по отношению к любым символам из любой группы (домена), к которым у этого человека есть интерес или они имеют для него какое-либо значение.

Последовательность типов символических восприятий зависит от последовательности и организованности представлений и взглядов

индивида. Однако, хотя система представлений человека может быть логически непоследовательна с точки зрения внутренних когнитивных элементов, она может быть последовательной по отношению к более крупной области символического восприятия. То есть, человек с так называемым реактивным типом символического восприятия может не заметить никакого несоответствия в сочетаниях таких фраз как «сниженные налоги» и «большее количество государственных служб». В данном случае довольно сильные эмоции возникают по отношению к обоим символам без какой-либо адекватной оценки ситуации, где эти символы употребляются. В том случае, когда этими символами умело манипулируют, человек видит поддержку в лице государства и считает эти взаимоисключающие действия (например, сокращение налогов и расширение государственных служб) реальными. Таким образом, восприятие символов, основанное на аффективном компоненте менее условно, более стабильно и долговечно, чем восприятие, основанное на когнитивной информации [Sears 1969: 365-368].

Типология символических восприятий. Типология, используемая для классификации символических восприятий, основана на положениях, разработанных Эдельманом, которые в дальнейшем были усовершенствованы. Его классификация на конденсационные (сжатые) и референтные символы в какой-то степени отвечает типам символических восприятий II и III, приведенных в таблице 1 (то есть, восприятия, основанные на богатом когнитивном содержании символа и слабом аффективном компоненте и наоборот). Согласно схеме Эдельмана, можно выделить еще два типа символических восприятий (те, которые содержат высокий аффективный компонент и когнитивное содержание, и те, которые характеризуются слабым аффективным компонентом и информативным содержанием). Такое разделение является логичным, так как каждый конкретный тип реакции может соответствовать определенному типу символического восприятия.

Эта четырехкомпонентная типология отражает тезис Эдельмана [1964: 89-95] о том, что существуют так называемая организованная элита, которая умело использует символы для достижения материальной выгоды и неорганизованные массы людей, которыми при помощи символов манипулируют. Мы полагаем, что представители элиты имеют больше информации о символе, более того, эта информация лучше структурирована и быстрее распространяется среди них, чем среди представителей массы. Иными словами, хотя массы и элита (или по крайней мере какая-то ее часть) могут иметь сходные представления о политическом символе, когнитивный компонент будет разным с точки зрения объема содержания, степени связанности и однотипности восприятия (для более подробного изучения этого вопроса см.

[McClosky 1964] об идеологии, [Converse 1964] о системах убеждений).

Итак, чем более отдаленным от реальной ситуации является символ, тем более размытым и неясным становится его содержание. Таким образом, поведение масс зависит от реальности в меньшей степени, чем поведение элиты. Кроме того, смысл политического символа более полно и однородно воспринимается организованными группами людей, чем разрозненными группами населения. И это полное и структурированное смысловое содержание более последовательно соотносится с реальной ситуацией, в которой символ употребляется.

Принимая во внимание различия в восприятии символов, мы можем при помощи нашей схемы выделить два способа использования символов и обращения с ними среди элиты и два разных типа реакции на эти символы среди масс. Мы признаем, что некоторые представители элиты используют символы с манипулятивной целью, ради извлечения собственной выгоды, однако существуют члены элиты, которые менее эгоистичны в своих намерениях и действуют согласно тем чувствам и эмоциям, которые символы пробуждают в их сознании. При таком подходе принимается во внимание и тот факт, что значительная часть населения проявляет определенную реакцию на символы, употребляемые другими, которая выражается в активных действиях или наоборот бездействии. Но существует и та часть населения, которая невосприимчива к такому манипулированию при помощи символов.

Более того, четырехкомпонентная структура позволяет нам выйти за пределы личностной (индивидуальной) мотивации и дает возможность оценить результаты группового взаимодействия и коллективного поведения. Общее (схожее) аффективное восприятие символов дает основу для организации коллективного действия, что является невозможным при совпадении понимания только когнитивного компонента. Различия в содержании символа становятся менее заметны на фоне аффективных связей между ними. Таким образом, именно аффективный компонент восприятия символа составляет основу для внутригрупповой солидарности и межгрупповых разногласий. Хотя мы и утверждаем, что сходства содержания гораздо сильнее внутри группы, чем между группами, вряд ли эти когнитивные сходства сами по себе могли бы обеспечивать единство группы.

Третий элемент: системная значимость. В дополнение к когнитивным и аффективным компонентам восприятия символов можно выделить третий аналитический компонент – оценочное измерение, которое не зависит ни от одного из упомянутых выше. Оценочный аспект указывает на то, что символы оцениваются по-разному разными людьми. Оценка системного значения символа играет важную роль в ос-

мыслении той реакции, которую вызывает употребление символа.

Вряд ли человек признает систематическую важность символа, если хотя бы один из компонентов этого символа не является для него значимым. Мы считаем, что из двух компонентов символа системное значение наиболее тесно связано с аффективным компонентом, в то время как оценочность – это наименее устойчивый компонент восприятия символа. Важно отметить, что каждый конкретный тип оценки является неотделимой частью индивидуального символического восприятия и не зависит от того, является ли символ уместным в данной ситуации. С течением времени ситуации, в которых употребляется символ, накладывают отпечаток на восприятие этого символа индивидом, но тем не менее, все эти внешние факторы сливаются воедино и выражаются в системной значимости символа.

Хотя ситуации использования символа могут со временем изменяться, оценка сохраняется в сознании индивида в практически неизменном виде. Можно утверждать, что чем сильнее оценочное значение символа, тем вероятнее, что человек поведет себя в соответствии с диспозициями данного символа. Символы, имеющие большее значение для человека вызывают более сильную и предсказуемую реакцию, чем те, которые кажутся ему не столь существенными.

Оценочный компонент позволяет нам не только выделить различия в значениях, приписываемых разным символам, но и определить особенности смысловых моделей, формируемых разными группами людей. Таким образом, модели системной значимости, также как содержание и валентность играют большую роль в формировании мобилизирующего и стимулирующего потенциала воздействия политических символов на различные группы населения.

Конечно же, основа восприятия символов определяется и зависит от коллектива, в котором человек находится и от его социального статуса. Способы познания, аффективные значения и значимость символов, также как и все остальные типы символического восприятия формируются в процессе социализации при наличии социального взаимодействия с другими членами общества. Так, чем более социально-активным является человек (т.е. при интенсивной модели социального взаимодействия), тем более традиционно воспринимает символы. Доказательства этого тезиса приводит Путнам [Putnam 1966: 653]. Также, чем ближе к центру социальный статус индивида, тем более традиционно воспринимаются им символы [см. Milbrath 1965: 110-114; Di Palma, McClosky 1970].

Основываясь на изложенном выше, можно привести несколько эмпирически подтвержденных тезисов, способствующих лучшему пониманию политического символизма:

(1) Человек стремится показать последовательную структуру восприятия им политических символов, принадлежащих как к одной, так и к разным сферам, к которым он проявляет интерес и имеет непосредственное отношение.

(2) Восприятие символов формируется в процессе социализации и подвержено влиянию окружающей среды, в которой человек находится. Таким образом, чем выше социальная активность человека, тем более устойчивы его символические ориентации.

(3) Чем ближе статус человека к центру социальной матрицы, тем ближе его символичные ориентации к принятому в этом обществе.

(4) Валентность символа более однородна внутри группы, чем между группами.

(5) Системное значение политического символа является более стандартным внутри группы, чем между группами.

(6) За пределами группы более однородной является валентность символа, чем его содержание.

(7) Содержание символа более однородно внутри группы, чем между группами.

(8) Чем более абстрактным и неясным является символ, тем менее однородно его содержание.

(9) Содержание (смысл) символа более однородно среди элиты, чем среди масс.

(10) Элита более подробно, детально и структурировано, чем массы, понимает содержание политического символа.

(11) Чем больше валентность и чем более богато информационное содержание символа, тем больше его системная значимость, и наоборот.

(12) Чем богаче содержание, разнообразнее валентность и системная значимость символа, тем более предсказуемой и последовательной является реакция на него.

Взаимосвязь символа и ситуации. Мы установили, что реакция, вызванная символом-стимулом, зависит от содержания, валентности и системной значимости этого символа. Далее мы пришли к выводу, что на дифференцирующий потенциал символа влияет комбинация этих компонентов в символе. Тогда возникает вопрос, каким образом символы связаны с конкретными ситуациями и как при помощи символа активизируются поведенческие реакции.

Эффективность символа в каждой конкретной ситуации зависит от количества людей, которые считают, что данный символ подходит к ситуации, а также их уверенности в правильности этого мнения. Критерии, благодаря которым формируется ситуативное соответствие, различны для разных людей и зависят от их типа символического восприятия. (5) У людей, для которых символ обладает высоким когнитивным содержанием и высокой валентностью этот критерий достаточно прост. Они сопоставляют «факты» ситуации со смысловым содержанием символа и делают вывод об их соответствии. У

людей, которые считают, что символ имеет богатое когнитивное значение, но низкую валентность, критерий оценки является двухкомпонентным: (1) получу ли я от ситуации выгоду? и (2) если да, может ли символ помочь в получении этой выгоды? Если ответ на оба вопроса отрицательный, то делается вывод о несоответствии символа ситуации.

Для тех, кто считает, что символы не имеют когнитивного содержания, критерий оценки соответствия символа ситуации менее очевидный. Те, для кого символ не имеет никакого значения и на кого он не производит никакого эффекта, не имеют критерия оценки соответствия. Однако те, для кого символ играет важную роль, является значимым в эмоциональном плане, но обладает скудным смысловым содержанием, оценка соответствия важна, но охарактеризовать ее сложно.

Ряд фактов поможет нам охарактеризовать эту оценку. Во-первых, на нее влияет степень системной значимости тех символов, которые вводят другие символы в контекст. Типичный пример подобного усиления можно обнаружить, когда человек, который является представителем власти, и чья политическая роль символична сама по себе, сам использует символ в данной ситуации. Подобный тип усиления встречается, когда такой символ, как «угроза коммунизма», используется для оправдания употребления символа «национальная оборона» в программе или плане действий.

Во-вторых, определение соответствия символа ситуации зависит от обстановки и контекста, которые сопутствуют употреблению символа. Символ признают соответствующим, если он употребляется в ситуации, целью которой является воздействовать на чувства и убедить в искренности, обдуманности и серьезности решения. Такие условия чаще всего выходят за рамки обычного поведения [Edelman 1964: 95-113].

Третий критерий – это степень прецедентности использования символа в подобной ситуации. Если человеку уже приходилось использовать символ в схожей ситуации, то в дальнейшем он будет употреблять его более уверенно. Если же ситуация, в которой подобный символ употреблялся ранее, значительно отличается от текущей ситуации, то человек будет более осторожен в своих оценках и будет менее уверен в верности такого употребления. Мерельман [Merelman 1966: 553] определяет эту проблему как «избыток коннотативности». Эта проблема связана с так называемым «несоответствием символа политическому режиму», «отсутствием связи между символом и политической». В такой ситуации «разрывается связь между символом и его политическим референтом».

Четвертый критерий заключается в том, что реальные события ситуации и последствия употребления символа должны хотя бы в минимальной степени соответствовать ожиданиям (которые должны быть полными и последова-

тельными), которые человек имеет по отношению к ситуации. Если исход ситуации противоречит его ожиданиям, то возникают сомнения не только в уместности символа, но и в самом символе. Мерельман [Merelman 1966: 554] считает, что этот вопрос нуждается в изучении. Из-за неоднородности ожиданий разных представителей общества, этот критерий не является определяющим. Тем не менее, он является важным звеном в понимании эффективного руководства. Люди ожидают, что руководитель найдет выход из затруднительной ситуации. Если лидеру при помощи символов не удается подтвердить свою способность справиться с трудностями, то он теряет доверие своих сторонников [Kautsky 1965: 13].

И наконец, из-за скудного субстантивного содержания, политический символ сам по себе не вызывает какой-то определенной реакции. Поэтому, при определении соответствует ли символ ситуации, общество руководствуется мнением тех, для кого символ имеет богатое субстантивное содержание. Таким образом, еще один немаловажный критерий определения соответствия символа ситуации – это те указания, которые элита посредством общественных масс доносит до каждого индивида в отдельности. Сартори называл этот критерий «установление связи»: «Молчаливая публика не способна без руководства не только сопоставить, что с чем употребляется в дедуктивной цепочке абстрактных аргументов, но что, пожалуй, более важно, ей не хватает информации и индуктивных способностей, чтобы самостоятельно определить, какая взаимосвязь существует между конкретным событием и общим принципом (символом), а также, с каким принципом (символом) событие соотносится [Sartori 1969: 407].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие положения:

(13) Те, для кого символ обладает богатым содержанием и высокой валентностью, считают критерием соответствия символа ситуации контекстную релевантность.

(14) Критерием определения соответствия символов с богатым содержанием, но низкой валентностью является ситуативная релевантность, определяемая в понятиях личной заинтересованности.

(15) Символы со скудным содержанием, но высокой валентностью:

(а) чем больше употребление символа усиливается использованием другого символа, имеющего системную значимость, тем более уместным считается употребление первого;

(б) чем больше символ соответствует окружающей обстановке, которая является образцовой, завершенной или бесспорной, тем более уместен символ;

(с) если существует прецедент употребления символа в схожей ситуации, тем больше уверенность в его соответствии;

(d) если предыдущее употребление символа в подобной ситуации привело к достижению поставленных целей и оправдало ожидания, тем более соответствующим считается символ;

(е) чем более четко элита определяет употребление символа, тем большее доверие это употребление вызывает.

(16) Для символов со скудным содержанием и низкой валентностью не выделяется критериев соответствия.

Классификация политических символов. Для того, чтобы разобраться в дифференциальной дистрибуции восприятия различных политических символов, необходимо создать их классификацию. В идеале эта классификация должна разделить на группы всю совокупность политических символов без учета их смыслового содержания. Кроме того, она поможет выделить критерий отбора политических символов для проведения эмпирических исследований.

В литературе можно найти несколько подходов к созданию классификации символов. Мерельман, например, делит символы на легитимные и метасимволы. Первые представляют собой обычные символы, представляющие легитимные процессы реализации власти. Метасимволы, в свою очередь, «представляют собой символы легитимности, которые указывают на обстоятельства, подходящие для употребления других легитимных символов, степень уместности символа, а также, метод, благодаря которому символ может стать легитимным» [Merelman 1966: 557]. Он утверждает, что символы, относящиеся к классу «правила игры», представляют собой метасимволы. Данная классификационная схема содержит в себе большой потенциал. Она формирует классификационную иерархию объектов политической символизации, которая может быть сформирована без учета символического значения объекта. Однако Мерельман недостаточно разработал свою схему для того, чтобы можно было ощутить весь ее дифференциальный потенциал. В сущности, его схема предполагает наличие двух классов символов: соотносящихся с политической нормой или режимом и все остальные.

Учитывая все многообразие объектов политической поддержки (политических символов), можно дополнить классификацию Мерельмана, разделив те символы, которые он определил как «другие», на дополнительные группы. Истон предполагает, что классификация символов должна представлять собой иерархию трех групп: (1) политическое сообщество, (2) политический режим, (3) правительство. По определению Истона «правительство – это группа людей, чья роль заключается в том, чтобы регулярно принимать решения и следить за тем, чтобы эти решения исполнялись обществом. Режим представляет собой медленно развивающиеся формальные и неформальные структуры, посредством которых эти решения

принимаются и приводятся в исполнение, а также включает в себя правила игры или код поведения, который узаконивает действия правительства и уточняет, какая реакция ожидается от граждан или подданных... Политическое сообщество – это часть общества, члены которого пытаются решить свои проблемы при помощи существующей политической структуры» [Easton 1965: 153-219].

Мы считаем, что метасимволы, выделяемые Мерельманом, в терминах Истона относятся к классу «режим». Тогда, логично было бы предположить, что существуют политические символы, относящиеся к двум оставшимся классам, выделенным Истоном.

Схема Истона позволяет нам классифицировать значительную часть политических символов, однако остается часть символов, принадлежность которых к определенному классу нельзя определить однозначно (это те символы, которые указывают на яркие политические проблемы или на политиков, которые не относятся к правительству). Схема Истона схожа с типологией Парсона и Шилса [Parsons, Shils 1951: 50-60], которая была дополнена Смелсером [Smelser 1962: 23-46]. Смелсер выделял четыре основных компонента социального действия: (1) общие цели или *ценности*, (2) регулятивные правила или *нормы*, (3) мотивация, представленная в виде *роли* и (4) ситуативные *условия*, отражающие знания, умения и степень доверия [Smelser, 1962: 24-30].

Можно провести параллели между двумя схемами. Символы политического сообщества отражают специфический набор ценностей. Эти символы являются основными среди огромного количества политических символов и служат стимулами к разнообразным реакциям. Сюда относятся такие символы, как «свобода», «независимость» и «Американский стиль жизни». Символы класса «режим» просто указывают на установленные правила, регулирующие поведение. Иными словами, они символизируют нормы, принятые системой. Примерами символов «правила игры» могут быть такие, как: «законный процесс», «правило большинства», «по одному голосу от каждого». Расхождения в схемах появляются, когда мы переходим к третьему классу, предложенному Смелсером, – классу «роль». Истон относил символы роли к классу «режим», избегая тем самым возможных несоответствий. Но для более точной характеристики разделение классов роли и режима кажется нам целесообразным. Формальные правительственные роли и структуры, такие как Президент, Верховный суд и ФБР являются яркими политическими символами.

Если четвертый класс политических символов, выделенный Смелсером, рассматривать широко, относя к нему все ситуативные факты, характеризующие окружающую обстановку, как это делали Парсонс и Шилз [Parsons, Shils 1951: 53], то в него можно включить выделяемую Ис-

тоном группу «правительство». В эту ситуативную категорию можно дополнить еще двумя типами политических объектов: (1) известные личности, не входящие в правительство, и (2) особые политические вопросы. Таким образом, ситуативная категория состоит из трех компонентов, каждый из которых соотносится с важным политическим объектом. Класс политических символов «правительство» включает такие как: Спиро Агню, Уильям Фулбрайт. К символам неправительственных объединений и известных личностей, не входящих в правительство, относятся, например: Бобби Сил, Ральф Нейдер, «Черные пантеры» и «Общее дело». Символы политических тем: «автобусная перевозка школьников», «молчаливое большинство», «немедленное окончание войны».

Таким образом, в результате нашего анализа мы получили иерархию четырех классов политических символов: политическое сообщество, режим, официальные политические должности и ситуативное окружение (обстановка). Подобная схема обладает рядом важных свойств, многие из которых совпадают с теми, что выделял еще Смелсер. Во-первых, эти категории обладают набором точных и полных критериев, которые позволяют классифицировать объекты политического символизма (политические символы). Таким образом, согласно этим критериям символы можно поделить на классы. Во-вторых, при создании классификации не учитывается смысловая и эмоциональная нагрузка или системная значимость символа. Однако подобная классификация позволяет сформулировать ряд гипотез, согласно которым можно выделить уровни политических символов. Например, в схеме представлена естественная иерархия символов, учитывающая уровень абстрактности, при этом символы, относящиеся к классу «политическое сообщество», являются наиболее общими. В-третьих, чем ниже в иерархии расположен объект, тем менее он подчинен политической власти. Изменения в положении более политически подчиненных символов приводят к изменениям в положении менее подчиненных. Однако обратная взаимосвязь наблюдается не всегда. Ситуативные символы могут появиться или поменяться местами без каких-либо изменений в положении символов более высокого уровня.

Более того, данная классификация позволяет выдвигать гипотезы о различных типах символического восприятия, о дистрибуции и темпоральной устойчивости этих восприятий среди населения. В стране с устойчивой политической системой аффективное восприятие символов более высокого уровня формируется в самом начале процесса социализации, то есть гораздо раньше, чем восприятие символов более низкого уровня [Hess, Torney 1967: 23-59]. Такие аффективные ориентации по отношению к символам высокого уровня являются наиболее устойчивыми и сохраняются на протяжении всей

жизни индивида. Более того, что касается дистрибуции аффективных ориентаций, то чем выше положение символа в иерархии, тем большей валентностью он, по мнению общества, обладает.

Что касается информационного содержания, то чем выше символ в иерархии, тем более диффузным (расплывчатым) оно является. Содержание таких символов является также менее однородным у разных групп и людей. В общем, степень системной значимости символа для индивида зависит от положения этого символа в иерархии или степени его взаимосвязи с символами высокого уровня. Мы полагаем, что символы высокого уровня знакомы и понятны большему количеству людей, чем символы более низкого уровня. Чем ниже символ в иерархии, тем меньше его системная значимость, так как модель восприятия символа отдельными людьми становится более разнообразной и менее устойчивой.

Таким образом, можно подвести следующие итоги:

(17) Чем выше располагается символ в классификационной иерархии, тем большей валентностью он обладает.

(18) Чем выше символ в иерархии, тем более диффузным и разнообразным является его содержание.

(19) Чем более высокое положение занимает символ, тем разнообразнее ситуации, в которых он употребляется.

(20) Чем выше символ, тем большую сферу он характеризует, тем выше его системная значимость.

(21) Чем выше символ, тем он более устойчив (то есть, тем более постоянными являются его роль и эмоциональная интенсивность его воздействия).

Системные значения символического восприятия. Как было установлено ранее, политический символизм — это одновременно феномен группового и индивидуального уровня. Символы могут быть общими для группы, но их индивидуальное восприятие может быть разным. Аргументы, приведенные нами, описывают феномены уровня группы и системы, и не противоречат тому, что мы знаем о поведении индивида в роли субъекта политики и системного эффекта, произведенного его действиями. Эти феномены позволяют выражать реакцию на обоих уровнях прямолинейно и открыто.

Для того, чтобы показать потенциал, заключенный в разработанном нами подходе, необходимо рассмотреть некоторые значения символов на системном уровне. Во-первых, символы играют большую роль в понимании феномена массовых движений и политической мобилизации. Этот факт признавали еще исследователи, изучающие массовые движения, но они не объясняли, почему символы являются важными. Принимая во внимание разные подходы к рассмотрению роли символов и особенно их

аффективного воздействия, мы убеждаемся, что символы обладают большим потенциалом в мобилизации людей и подавлении волнений при помощи убеждения. Если символ лишить эмоционального компонента, его потенциал слабеет.

Общественные движения могут быть ориентированы на разные группы людей с разными интересами, имеющих разные, часто несовместимые цели. Их объединяет не единство целей, а схожесть точек зрения. Отсюда следует, что «чем более неоднородным является политическое движение, тем более неясными и неточными являются символы, которые их объединяют» [Aberbach, Walker 1970: 367].

Именно это свойство политических символов лежит в основе законности (легитимности). Ни одна система не выдержит постоянной борьбы его членов лишь за собственные интересы. Однако не все люди готовы тратить все свое время, всю энергию и усилия на достижение материальной выгоды. Преданность группе усиливают два фактора: воздействие общих для группы символов на эмоции ее участников и материальная выгода от членства в группе.

Долгое время считалось, что стабильность группы зависит от принуждения или согласия. Возникает сомнение в возможности удержать стабильность только силовыми методами, поэтому достижение законности (легитимности) посредством консенсуса рассматривается как основа стабильности и неотъемлемая составляющая демократии. Роль консенсуса была пересмотрена в результате недавних эмпирических исследований. Как показало наблюдение, даже в самых стабильных демократических системах уровень согласия (консенсуса) не достигал того уровня, который считался реально существующим [McClosky 1964: 361-379; Prothro, Grigg 1960].

МакКлоски приводит результат национального исследования, согласно которому на общем абстрактном уровне не существует единства восприятия ценностей. Это исследование также показало, что хотя символы «свобода» и «равенство» наделяются положительным смыслом, не существует единого мнения по поводу того, что же конкретно они обозначают [McClosky 1964: 375-379]. Манн проанализировал более пятидесяти исследований, проводимых в США и Англии, и выявил, что большинство из них опровергают важность консенсуса. Манн [Mann 1970], так же как и МакКлоски, пришел к выводу, что среди элиты существует более унифицированное восприятие символов, чем среди основной массы людей [6].

С точки зрения символа, выводы МакКлоски, Манна и других не являются ни удивительными, ни противоречащими существующим теориям. Одинаковое восприятие символа обусловлено совпадением мнения по поводу его важности в данной ситуации и единством его аффективно восприятия, а не консенсусом по поводу его

смысла. Символьный консенсус рушится и объединяющий потенциал символа слабеет, когда речь заходит о его субстантивном значении. Гусфилд отмечает: «Когда политики спорят о значении греха, вместо того чтобы направить свои усилия на противостояние ему, возникает угроза политическому согласию в обществе» [Gusfield 1963: 184].

То, что основой консенсуса является «вопрос принципа», который становится понятным благодаря символам, а не из-за согласования ценностей, не означает, что этот консенсус не является важным и не влечет социальных последствий. Берельсон [Berelson 1952] отмечает, что «фиктивный консенсус намного лучше, чем никакого консенсуса вообще – мнимый консенсус выражается иногда в отождествлении символов, хотя они могут иметь разное значение. Чувство однородности символов иногда прекрасно может заменить факт их однородности. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что роль субстантивных компонентов, например таких как информация, одновременно помогает обосновать выбор символа и направить его действие в нужное русло».

Вероятно, в стабильной политической системе, например в демократической, электорат «должен, по крайней мере, иметь схожее понимание тех символов, которые используются для достижения конечной цели политического действия» [Berelson 1952: 321]. В некоторой степени, сегодня наиболее сложной проблемой для американского общества является учащающееся отсутствие консенсуса в восприятии символа. Таким образом, проявляются проблемы отсутствия согласия по поводу того, что именно обозначает политический символ.

Однако символы являются не только основой социальной солидарности, они могут быть и основой для социальной дифференциации и конфликта. Уорнер отмечает, что «существует два типа символьных систем, каждый из которых играют важную роль в социальной дифференциации. Сегментарные системы содержат символы, используемые членами автономных структур с ограниченной солидарностью с целью выражения своих чувств и эмоций. Символы интегративных систем позволяют выразить общие чувства, имеющиеся у каждого человека, и указывающие на единство группы, ощущаемое всеми членами сообщества. В разное время и при разных обстоятельствах политические символы, относящиеся к этим группам, могут использоваться для достижения обеих целей» [Warner 1959: 231].

Гусфилд тоже признает двойственность функций символов и подчеркивает важность этого факта для политического процесса. Он выделяет жесты или символы когезии (сходства) и жесты или символы дифференциации (различия). Символы, относящиеся к первой группе, расположены выше в иерархии символов, описанной ранее. Они «служат для того,

чтобы укрепить общие и консенсусные аспекты общества как средства поддержки правительства. Они активизируют элементы, объединяющие общество, и формируют основу законности (легитимности) политической организации, несмотря на то, кто возглавляет эту организацию и какие законы в ней уже существуют. Они формируют верность правительству, которая существует и не зависит от политического конфликта между партиями, заинтересованными группами и фракциями» [Gusfield, 1963: 171].

Символы дифференциации, в свою очередь, занимают более низкую ступень иерархии политических символов. Социальное неравенство, подчеркиваемое этими символами (например, модель общего аффективного восприятия и системной значимости) становится менее заметным с повышением уровня символа.

Ярлыки партий могут служить примером сегментарных политических символов. Они образуют основу дифференцированной, но достаточно устойчивой поддержки среди людей с разными интересами. Они помогают выбрать правильное действие при отсутствии конкретной информации. Они также учитывают действия тех людей, чье мнение отлично от общего. Выбор кандидата и вопроса для поддержки большинства людей определяется аффективным восприятием символа совместно с достаточно скудным информационным содержанием.

Этические символы (символы морали) таким же образом служат для поддержания устойчивости групп с общими интересами. Устойчивость этических норм в политике свидетельствует о важности и значимости таких символов, указывая на то, что они формируют стиль жизни и традиции. Например, вряд ли можно найти более эффективный способ завоевать поддержку еврейского народа, чем употребление символа «антисемитизм».

Политические символы играют ключевую роль в развитии социального конфликта. Группы, которые находятся в невыгодном положении, в положении меньшинства, стараются усилить свое влияние, переформулировав свои цели таким образом, чтобы заручиться поддержкой других групп и публики. В формулировании новой цели большую роль играют символы, которые имеют воздействие на определенные группы и символы, расположенные на верхних ступенях иерархии, т.е. те, эмоциональный потенциал которых однороден. Противники таких изменений стараются ограничить возможность использования символов, подходящих в данной ситуации, и сократить число символов высших ступеней, кроме тех, разумеется, которые указывают на незаконность действий группы и тем самым снижают доверие к этой группе. Примерами символов, используемых в подобных контрстратегиях, могут быть: «внешние агитаторы», «неамериканский» и «коммунистически настроенный».

Символы играют важную роль не только во внутренних, но и в международных конфликтах. Меры, предпринимаемые правительствами и направленные на благо нации и государства, часто подкреплены использованием подходящих символов со специфическим значением. Таким образом, происходит преувеличение собственной роли (роли нации), и вместе с тем создаются поверхностные, неточные суждения о другой нации. Холсти, изучая деятельность директора ЦРУ Даллеса, делает вывод, что символы играют важную роль в построении взаимоотношений между нациями [Finlay 1967: 25-96] [7]. Чем меньше контактов возникает между конфликтующими группами, тем чаще используются символы с бедным информационным содержанием, но высоким эмоциональным воздействием.

Придя к выводу, что политические символы играют важную роль в процессах конфликта, мобилизации и интеграции, становится очевидным и тот факт, что они оказывают влияние и на взаимоотношения властей. Символы играют важную роль, легитимизируя распределение власти. Чем больше полномочий и чем отдаленнее источник власти, «тем больше потребность в использовании символов, и тем больше возможностей их использовать для того, чтобы эту власть оправдать» [Mitchell 1962:127] Как отмечал Мерриам несколько лет назад, символы укрепляют эффективность власти: «Власти свойственно окружать себя множеством вещей, которым можно доверять и восхищаться. Ни одна властная структура не была основана лишь на насилии, так как одной силы недостаточно для поддержания авторитета власти и подавления сил противников» [Merriam 1964: 109] (см. также [Lasswell, Kaplan 1950: 104], где описывается взаимоотношения власти и символов и [Lasswell 1965: 3-19]).

Символы, присутствующие во власти и поддерживающие ее, представляют собой не только внешние атрибуты должности, но и жесты, и поведение чиновников. В то время как мифы и ритуалы служат оправданием политический власти в любой системе, законность ее действий подтверждается положительным впечатлением от выполненных должностных обязанностей. Таким образом, как было описано ранее, лидерство напрямую зависит от действий, которые являются образцом поведения для сторонников/последователей. При помощи этих действий власть устанавливается и поддерживается. Эти действия не должны повторять и быть созвучными с предшествующими действиями пока лидер в силе осуществлять контроль, пока он производит впечатление осознанности своих поступков, действует в рамках своих полномочий и пока публика ему доверяет.

Кроме того, что символы оправдывают распределение власти и узаконивают ее действия, они помогают сглаживать проблемы, возни-

кающие при передаче власти от одних руководителей другим. Ритуалы передачи власти призваны узаконить властные полномочия новых руководителей и служат свидетельством жизнеспособности и непрерывности существующего социального порядка. Эти церемонии возлагают на руководителя груз ответственности и придают уверенности в том, что он будет выполнять свои обязанности надлежащим образом.

Можно ошибочно предположить, что символы власти создают некую внешнюю привлекательную оболочку и не дают никакого положительного результата. Однако без символов большинство правительственных организаций распалось бы, а власть существовала бы только благодаря физической силе, что в долгосрочной перспективе является неприемлемым ни для одного правительства.

Таким образом, обзор системных импликаций политических символов можно завершить, сделав следующие выводы:

(22) Мобилизирующий и объединяющий потенциал политических символов определяет единство и интенсивность аффективной идентификации, а не информационное содержание символа.

(23) Чем шире мобилизация, тем более разнообразным является содержание символа и тем сильнее его аффективная нагрузка.

(24) Если символ лишить его эмоционального компонента, он теряет часть своего объединяющего потенциала, поэтому, когда речь заходит о смысловом содержании, его потенциал слабеет.

(25) Группы, которые во время конфликта стремятся получить больше власти, используют все больше символов высокого уровня иерархии.

(26) Чем выше уровень символа, употребленного во время конфликта, тем большее количество людей вовлекается в конфликт.

(27) Чем меньше контактов возникает между конфликтующими группами, тем чаще их члены употребляют символы со скудным смысловым содержанием и сильным эмоциональным воздействием.

(28) Чем больше власть ассоциируется с символами высокого уровня, тем она сильнее.

Выводы. Мы предприняли попытку доказать, что символы одновременно являются важными компонентами политической культуры и объектами индивидуальных ориентаций. Для того, чтобы оценить потенциал политических символов, необходимо учитывать три составляющих восприятия символов: когнитивное содержание, валентность и системную значимость. Индивиды и группы имеют разное восприятие этих компонентов, которое зависит от модели поведения. Были приведены различные критерии оценки ситуативного соответствия конкретного символа. Для более глубокого изучения сущности политических символов и вы-

деления критериев для эмпирических исследований была разработана типологическая иерархия политических символов, в основе которой лежит разное восприятие символов отдельными людьми. И наконец, были рассмотрены некоторые системные импликации, возникающие в результате использования политических символов.

Изучение политических символов возможно только при наличии утверждений, которые можно эмпирически проверить. Мы старались внести вклад в разработку этих вопросов. С помощью систематической проверки наших предположений исследование политических символов может быть выведено за рамки предположений и догадок и поднято до статуса строго научного исследования. Благодаря этим разработкам могут быть охарактеризованы важные, но еще недостаточно изученные аспекты политической жизни.

Примечания.

1. Бернард Берельсон и др. (Berelson et al. 1954: 184) описывают этот феномен, когда говорят о двух типах политических вопросах: вопросе позиции и стиля. В вопросе позиции основным является «личный интерес прямой направленности», в то время как вопросы стиля «вытекают из социально-экономических условий» и представляют «косвенное самовыражение». Стоукс (Stokes 1963: 373) приводит подобное деление на вопросы «валентности» и «позиции».

2. Деннис (Dennis 1970: 825-835) отмечает высокую популярность и позитивное восприятие символа «обязанность голосовать», но низкий интерес по отношению к избирательному процессу. Избирательный процесс вызывает больший интерес, чем собственно оказание поддержки партиям, поэтому Деннис предполагает, что низкая оценка эффективности выборов указывает на то, что процесс голосования превратился в ритуал.

3. Подобное утверждение похоже на заявление Джованни Сартори (Sartori 1969: 403) по отношению к системам взглядов (убеждений). Но эти утверждения не стоит путать. Например, в последнем исследовании Стивена Брауна (Brown 1970) приводятся факты, которые якобы противостоят утверждениям предшественников о содержании массовой идеологии. Однако мы полагаем, что Браун придает устойчивости аффективных компонентов символа большее значение, чем содержанию символа.

4. Интересно, что этот тип восприятия символов характерен для «осведомителя». Для людей такого типа экспрессивная роль символа преобладает над инструментальной, и они считают, что символ, передав информацию, выполнил свою основную функцию.

5. Для большинства эти критерии не учитываются при вынесении оценки. Но они могут быть задействованы для принятия решения по поводу соответствия символа ситуации.

6. В работе Баджа [Budge 1970] можно найти подтверждение этого факта. Он обнаруживает подобные модели взаимоотношений политиков и избирателей в Англии. Де Ламатер и др. [DeLamater et al. 1969: 337-345] противопоставляют символьное и функциональное восприятие роли граждан в США, связанное с социально-экономическим статусом.

7. Ури Бронфенбреннер [Bronfenbrenner 1961] отмечает, что символы для создания образа врага могут быть разноплановыми. В работе Джона Бертон [Burton 1969], где изучается конфликт и взаимодействие в международной политике, говорится, что эффективная коммуникация достигается тогда, когда стороны переходят от эмоционального использования символов в споре к обсуждению конкретных вопросов и разногласий, понимая, что символы создают ассоциации, а не определения [см. также Boulding 1959].

ЛИТЕРАТУРА

Aberbach J., Walker J. The meanings of black power: a comparison of white and black interpretations of a political slogan // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1970. 64 (June).

Anton T. Roles and symbols in the determination of state expenditures. // *Midwest J. of Pol. Sci.* 1967. 11 (February). P. 27-43.

Arnold T. The Symbols of Government. – New York: Harcourt, Brace & World, 1962.

Berelson B. Democratic theory and public opinion // *Public Opinion Q.* 1952. 16 (Fall). P. 320-321.

Berelson et al. Voting. – Chicago: Univ. of Chicago Press., 1954.

Blumer H. The crowd, the public, and the mass // *The Process and Effects of Mass Communications* [Ed. by W. Schramm]. – Urbana: Univ. of Illinois Press. 1954. P. 363-379.

Boulding K. The Image. – Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1961.

Boulding K. National images and international systems // *J. of Conflict Resolution.* 1959. 3 (June). P. 120-137.

Bronfenbrenner U. The mirror image in Soviet-American relations: a social psychologist's report // *J. of Social Issues.* 1961. № 17. P. 45-56.

Brown S. Consistency and persistence of ideology: some experimental results // *Public Opinion Q.* 1970. 34 (Spring). P. 60-68.

Brown S., Ellithorp J. Emotional experiences in political groups: the case of the McCarthy phenomenon // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1970. 64 (June). P. 349-366.

Budge I. Agreement and the Stability of Democracy. – Chicago: Markham, 1970.

Burton J. Conflict and Communication. – New York: Free Press, 1969.

Converse P. The nature of belief systems in mass publics // *Ideology and Discontent* [Ed. by D. Apter]. – New York: Free Press, 1964. P. 206-261.

DeLamater J., Katz D., Kelman H. On the nature of national involvement: a preliminary study // *J. of Conflict Resolution.* 1969. 13 (September). P. 320-357.

Dennis J. Support for the institution of elections by the mass public // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1970. 64 (September).

Dennis J. Support for the party system by the mass public // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1966. 60 (September). P. 605-606.

Di Palma G., McClosky H. Personality and conformity: the learning of political attitudes // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1970. 64 (December). P. 1059-1060.

Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: John Wiley, 1965.

Easton D., Dennis J. Children in the Political System. – New York: McGraw-Hill, 1969.

Easton D., Hess R. The child's political world // *Midwest J. of Pol. Sci.* 1962. 6 (August). P. 229-246.

Edelman M. Politics as Symbolic Action. – Chicago: Markham, 1971.

Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1964.

Finlay D. et al. Enemies in Politics. – Chicago: Rand McNally, 1967.

Geertz C. Ideology as a cultural system // *Ideology and Discontent* [Ed. by D. Apter]. – New York: Free Press, 1964.

Greenstein F.I. Children and Politics. – New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1965.

Gusfield J. Symbolic Crusade. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1963.

Hess R., Torney J. The Development of Political Attitudes in Children. – Chicago: Aldine, 1967.

Himmelstrand U. Social Pressures, Attitudes and Democratic Processes. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960.

Hofstadter R. The Paranoid Style in American Politics. – New York: Vintage, 1967.

Jaros D. et al. The malevolent leader: political socialization in an American sub-culture // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1968. 62 (June). P. 564-575.

Katz D. et al. A comparative approach to the study of nationalism // *Peace Research Society Papers.* 1969. № 14. P. 1-13.

Kautsky J. Myth, self-fulfilling prophecy and symbolic reassurance in the East-West conflict // *J. of Conflict Resolution.* 1965. 9 (March). P. 1-17.

Lane R. Political Thinking and Consciousness. – Chicago: Markham, 1969.

Lasswell H. World Politics and Personal Insecurity. – New York: Free Press, 1965.

Lasswell H., Kaplan A. Power and Society. – New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1950.

Lasswell H. et al. The Language of Politics. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.

Lipset S. The radical right: a problem for American democracy // *British J. of Sociology.* 1955. 6 (June). P. 176-209.

Lipset S., Rabb E. The Politics of Unreason. – New York: Harper, 1970.

McClosky H. Consensus and ideology in American politics // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1964. № 58. P. 361-379.

Mann M. The social cohesion of liberal democracy // *Amer. Soc. Rev.* 1970. 35(June). P. 425-437.

Merelman R. Learning and legitimacy // *Amer. Pol. Sci. Rev.* 1966. 60 (September). P. 553-561.

- Merriam C. Political Power. – New York: Collier, 1964.
- Milbrath L. Political Participation. – Chicago: Rand McNally, 1965.
- Mitchell W. The American Polity. – New York: Free Press, 1962.
- Parsons T., Shils E. [eds.] Toward a General Theory of Action. – New York: Harper, 1951.
- Prothro J., Grigg C. Fundamental principles of democracy: bases of agreement and disagreement // J. of Politics. 1960. № 22. P. 276-294.
- Putnam R. Political attitudes and the local community // Amer. Pol. Sci. Rev. 1966. 60 (September).
- Sapir E. Symbolism // Encyclopedia of the Social Sciences. 1934. Volume 14. P. 492-495.
- Sartori G. Politics, ideology and belief systems // Amer. Pol. Sci. Rev. 1969. 63 (June).
- Sears D. Political behavior // G. Lindzey and E. Aronson (eds.) Handbook of Social Psychology. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969. P. 315-323, 365-368.
- Smelser N. Theory of Collective Behavior. – New York: Free Press, 1962.
- Stokes D. Spatial models of party completion // Amer. Pol. Sci. Rev. 1963. 57 (June).
- Tallman I., Morgner R. Life style differences among urban and suburban blue collar families // Social Forces. 1970. 48 (March). P. 334-347.
- Warner L. The Living and the Dead. – New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1959
- White L. The Science of Culture. – New York: Grove, 1949.

© Полякова И.С. (перевод), 2009